

И.А. Матвеевко

Томский политехнический университет

**Интерпретация ньюгейтского романа
в творчестве Ф.М. Достоевского:
к вопросу об интертекстуальных связях**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы интертекстуальных связей ньюгейтского романа Э. Булвера-Литтона «Юджин Эрам» и романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На основе проведенного анализа выявлены не только важные сходства двух произведений, но и принципиальные различия, обусловленные разницей в мировоззрении писателей, различными уровнями их талантов, принадлежностью к различным литературным традициям и эпохам. Тем не менее, можно утверждать, что ньюгейтский роман, не будучи до конца принятым, адаптированным русской литературой второй половины XIX в., был воспринят опосредованно, через свою проблематику и сюжетостроение.

The article deals with the problem of intertextual interaction of E. Bulwer-Lytton's Newgate novel «Eugene Aram» and F.M. Dostoyevskiy's novel «Crime and Punishment». On the basis of literary analysis it has been revealed not only significant similarities of two novels but also sufficient differences, conditioned by the difference in the writers' outlook, levels of their talents, different literary traditions and periods. Nevertheless, one could state that the Newgate novel was accepted by the Russian literature through its problems and plot-structure without being adopted completely.

Ключевые слова: ньюгейтский роман; сравнительный анализ; интертекстуальные связи; повествовательная структура; идеологическая основа; христианское мировоззрение.

Newgate novel; comparative analysis; intertextual interactions; narrative structure; ideological bases; Christian outlook.

УДК: 821-31:821.161.1-31.

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 30. ТПУ, кафедра иностранных языков в области геологии и нефтегазового дела Института геологии и нефтегазового дела. Тел. (3822) 421352. E-mail: mia2046@yandex.ru.

Ньюгейтский роман – целостная, четко выстроенная жанровая система, порожденная периодом перехода от романтической философии, эстетики и поэтики к реалистической. К жанру ньюгейтского романа, появившемуся в английской литературе в первой половине XIX века, обращались такие писатели, как Ч. Диккенс, Г.Х. Эйнсворд, в полемику с ними о ньюгейтском романе вступал У. Теккерей и многие другие английские критики. Основателем данной жанровой модификации по праву считается Э. Булвер-Литтон, который попытался с ее помощью ввести в свое творчество новую тематику и проблематику, связанную с такими общественными и нравственно-психологическими явлениями, как преступление и наказание. В частности, роман «Юджин Эрам» (1832) повествует о выдающемся ученом, вынужденном пойти на преступление ради завершения своего исследования и ищущем философское и теоретическое оправдание своему поступку.

В контексте восприятия ньюгейтской прозы русской литературно-эстетической традицией особое место принадлежит Ф.М. Достоевскому. Уже поверхностного взгляда на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» достаточно, чтобы увидеть в нем параллели с указанным романом Булвера-Литтона, что и отмечается рядом исследователей.

Так, по словам Ю.И. Кагарлицкого, Булвер «впервые за тридцать четыре года до появления “Преступления и наказания” (разумеется, на другом уровне таланта) поставил вопрос о недопустимости преступления для выдающейся личности, даже против человека ничтожного» [Кагарлицкий, 1985, с. 546]. На сходство романа Булвера с «Преступлением и наказанием» Достоевского указывают и другие, в том числе зарубежные исследователи: «В своем признании Эрам описывает этот умственный процесс очень подробно (это удивительно напоминает в общих чертах мысли позднего Раскольникова)», – пишет К. Холлингсворт [Hollingsworth, 1963, с. 89]. Анализ возможных сюжетных реминисценций провел в своей статье французский исследователь Р. Мессак. В нашей статье мы попытаемся более подробно исследовать интертекстуальные отношения названных произведений, на первый взгляд, таких далеких друг от друга, с целью установления преемственности развития романного жанра в английской и русской литературах.

О заметном сходстве, а, следовательно, и о возможном влиянии романа «Юджин Эрам» на создание «Преступления и наказания» делал предположение Г.М. Фридлиндер: «Русский перевод “Юджина Эрама” был приложен к «Библиотеке для чтения» за 1860 год, так что роман этот, без сомнения, был известен Достоевскому» [Фридлиндер, 1964, с. 204]. Роман Булвера-Литтона называет и Б.Г. Реизов среди произведений, в которых представлены «теории, вырвавшиеся из действительности XIX в. и вызывавшие борьбу во всех странах Европы», и которые, «глубоко понятые Достоевским, получили свое отражение и опровержение в “Преступлении и наказании”» [Реизов, 1971, с. 393].

Выдвигая вопрос об интертекстуальных связях английского (булверовского) ньюгейтского и русского классического (Ф.М. Достоевского) романов, многие исследователи, вместе с тем, настаивают на французских источниках «Преступления и наказания», в том числе и упомянутые выше Г.М. Фридлиндер и Б.Г. Реизов не сбрасывают со счетов рецептивное воздействие популярных в то время произведений Бальзака, Гюго, Стендаля, Ж. Санд, Ш. Нодье и, конечно, Э. Сю. Р.С. Белоусов указывает также на французский документальный источник, возможно, подтолкнувший Достоевского к созданию образа гордого, образованного преступника – дело Ласенера [Белоусов, 2004, с. 319–345].

Мы, конечно, не отвергаем факт влияния французской литературы на творчество русского писателя, но наша задача – выявить типологические аналогии, описать рецептивный эффект английского ньюгейтского романа Булвера-Литтона «Юджин Эрам» в становлении романной эстетики и поэтики «Преступления и наказания» Достоевского и дополнить таким образом реконструкцию генетических связей английского и русского романа.

Интертекстуальные связи рассматриваемых сочинений подтверждаются, прежде всего, их сходной идеологической основой. Оба романа создавались в атмосфере господствующей на тот момент философии утилитаризма. В частности, Булвер явно отталкивается от философии И. Бентама, основателя утилитаризма, называемого им самим «принципом наибольшего счастья». Булвер-Литтон, не приемля теории Бентама, детально изображает в своем романе моральный крах героя, следовавшего популярным принципам бентамизма. «Отвергая какой-либо нравственный абсолют, – пишет по этому поводу К. Холлингсворт, – Юджин Эрам делает свой выбор в пользу большего блага для большего числа людей, что в конечном итоге губит его» [Hollingsworth, 1963, с. 89].

Конечно, Достоевский в своем романе не так демонстративен и поучителен, как Булвер. Идеологическая подоплека «Преступления и наказания» намного

сложнее и более многопланова, полемична в отношении целого комплекса философских теорий XIX в.: Д.С. Милля (последователя Бентама), Д.Г. Льюиса, Ч. Дарвина, Т. Карлейля и др. Однако полемика с идеями И. Бентама и сопряженность его теории с этикой «разумного эгоизма», отстаиваемой Н.Г. Чернышевским, красной нитью проходит через все произведение русского классика.

Один из героев романа, Лужин рассуждает по поводу популярного философского учения: «Наука говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. <...> Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспеяния» [Достоевский, 1982, с. 146]. Лужин не одинок в своем преклонении перед принципами позитивизма и утилитаризма. Образы Лебезятникова да и самого Раскольникова также показывают несостоятельность распространенной научной концепции.

Характерным представляется и то, что оба писателя воспользовались документальными источниками для создания своих произведений. Булвер-Литтон заинтересовался реальными обстоятельствами преступления, прочитав о них в Ньюгейтском календаре. Хотя история Юджина Эрама под пером романиста претерпела значительную переработку, сама действительная ситуация преступления и условия конкретного происшествия были взяты за основу повествования.

Достоевский, как известно, в своем романе также опирался на документальные факты, почерпнутые им из периодической печати, а порой и из самой жизни и, преломляя их через свое мировоззрение и творческие замыслы, водил в контекст повествования романа. Так, например, в период работы над «Преступлением и наказанием» в газетах появились заметки, мимо которых Достоевский не мог пройти, о слушании дела Герасима Чистова, купеческого сына, раскольника, убившего двух старух с целью ограбления («Голос» (1865) и другие газеты).

Кроме того, особенности структуры повествования позволяют утверждать сходство форм организации повествования, использованных английским и русским писателями. Романное повествование «Юджина Эрама» ведется от лица всеведущего автора, следящего за перипетиями своих героев, оценивающего и даже направляющего их в нужное русло. И только предпоследняя глава с красноречивым названием «The Confession. – And the Fate» («Исповедь и судьба») рассказана от лица главного героя Юджина Эрама. В ней герой признается в своем преступлении и сам объясняет причины, побудившие его сделать этот шаг, описывает душевные и психологические перемены, произошедшие с ним после рокового события. Такие изменения в повествовании помогли автору романа достичь особого психологизма в изображении характера, показать малейшие движения души, подсознательные мыслительные процессы преступника, что представляло собой новаторский подход к теме преступления и наказания и герою-преступнику.

Симптоматично, что изначально «Преступление и наказание» было задумано в форме исповеди. Однако в процессе осмысления глубины поднятой проблемы писатель отказывается от повествования от имени преступника. Очевидно, что масштаб и сложность рассматриваемых в произведении вопросов, а также желание писателя показать идею главного героя в развитии заставили Достоевского создать предельно объективный образ автора, который «не оставляет за собой никакого существенного смыслового избытка и на равных правах с Раскольниковым входит в большой диалог романа в его целом» [Бахтин, 1963, с. 102], при этом «слово автора о герое организовано <...> как слово о присутствующем, слышащем его (автора) и могущем ему ответить» [Там же, с. 85].

Много позже такой подход к повествованию привел филологов к разработке теории «полифонии» в романах Достоевского, где «всепоглощающему сознанию

героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний» [Бахтин, 1963, с. 66]. Однако, учитывая религиозные воззрения Достоевского, при всей отстраненности авторской позиции в романе «Преступление и наказание», следует признать, что автор в его романах всегда исходит из одной точки зрения, которая представляется ему высшей, не требующей доказательств и решающей все споры путем сопоставления идей героев с истинами Евангелия. Это (как для любого религиозного сознания) идея о том, что истина – в Христе, в вере человека в Христа. По утверждению В.Н. Захарова, «эта идея стала “сверхидеей” творчества Достоевского – идеей христианского преображения человека, России, мира» [Захаров, 1996, с. 144]. Постигание этой истины и определяет путь героев Достоевского.

Сходство проблем, поднятых в двух рассматриваемых нами произведениях, привело к ряду сюжетных схождений, доказывающих имплицитную интертекстовую связь английского и русского писателей. Если в поисках сюжета Достоевский, как и автор ньюгейтского романа, обращался к действительности, то внутренний сюжет романа строится у него на основе евангельской концепции человека, которая представляется писателю вечной и незыблемой. В связи с этим в его главном герое соединяются два, казалось бы, несовместимых полюса мировоззрения. «...В творческом процессе, в вынашивании замысла “Преступления и наказания”, в образе Раскольникова столкнулись две противоположные идеи: идея любви к людям и идея презрения к ним», – указывает С.В. Белов [Белов, 1984, с. 25].

Интересно, что эти амбивалентные черты были присущи и герою ньюгейтского романа Булвера. Описывая характер Юджина Эрама, Булвер-Литтон постоянно акцентирует сочетание его полярных качеств: «It could not be said that Aram wanted benevolence, but it was dashed, and mixed with a certain scorn: the benevolence was the offspring of his nature; the scorn seemed the result of his pursuits. He would feed the birds from his window, he would tread aside to avoid the worm on his path; were one of his own tribe in danger, he would save him at the hazard of his life: – yet in his heart he despised men, and believe them beyond amelioration» [Bulwer-Lytton, 1832, p. 40]¹.

При всем высокомерном отношении к человечеству оба героя совершают благородные поступки, порой подвергая свою жизнь опасности. На фоне данных противоречий еще рельефнее выступает само преступление героев – оба, любя человечество, убили человека. Для Достоевского, как и для Булвера, безусловно, это является неким символическим поступком, означающим убежденность героев в том, что нужно спасать человечество, что-то делать. Рожденная в душе героев, а затем, реализовавшись, эта идея становится главным структурообразующим принципом двух произведений.

Само преступление имеет в обоих романах сходные черты: оба героя совершают его против человека «ничтожного», недостойного, на их взгляд, существования. При этом и Эрам, и Раскольников пытаются подвести теоретическую базу под свой поступок, найти ему масштабное метафизическое оправдание. Вот, например, логика английского героя, использованная им в исповеди: «What was this wretch? aged and vice – forestalling time – tottering on to a dishonored grave – soiling all that he touched on his way – with grey hairs and filthy lewdness, the rottenness of

¹ Дословный перевод: «Нельзя сказать, что Эрам хотел быть доброжелательным, но он стремился к этому, хотя к нему примешивалось некоторое презрение: доброжелательность происходила из его природы, а презрение, похоже, было результатом его поисков. Он мог кормить птичек из окна, он уходил с тропинки, чтобы не раздавить червяка, он приходил на помощь, если кто-то из его соплеменников оказывался в опасности: тем не менее, в душе он презирал людей и считал, что они не могут стать лучше». – Перевод здесь и далее мой – И.М.

the heart, not its passion, a nuisance and a curse to the world. What was the deed – that I should rid the earth of a thing at once base and venomous? Was it crime? Was it justice? Within myself I felt the will – the spirit that might bless mankind» и здесь же дает емкое объяснение своему деянию: «*I looked on the deed I was about to commit as a great and solemn sacrifice to Knowledge, whose Priest I was*» (курсив автора – И.М.) [Bulwer-Lytton, 1832, p. 459]¹.

Напомним поразительно близкие к утверждению Юджина слова студента, случайно услышанные Раскольниковым в трактире и приведшие его «в чрезвычайное волнение»: «Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, большая старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. <...> С другой стороны, молодые свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! <...> Убей ее и возьми деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступление тысячами добрых дел?» [Достоевский, 1982, с. 66–67].

Итак, стремясь осчастливить человечество, герои совершают преступление. В их глазах убийство для благородной цели оправдывает сам поступок, являющийся тем более справедливым оттого, что совершен сильной личностью, какой оба героя себя считают. Оба, идя на преступление, думают о жизни и о человеке вообще, и о себе, о масштабе своей личности, которой, как им кажется, позволено все, даже насилие, преступление общечеловеческих законов морали.

Характерно, что после своего поступка, совершенного из идейных соображений, во имя человечества, оба героя испытывают глубокое разочарование. Юджин Эрам детально описывает изменения, происходящие в его душе после преступления: «*I occupied my thoughts – I laid up new hoards within my mind – I looked around, and I saw few whose stores were like my own, – but where, with the passion for wisdom still alive within me – where was that once more ardent desire which had cheated me across so dark a chasm between youth and manhood – between past and present life – the desire of applying that wisdom to the service of mankind? Gone – dead – buried forever in my bosom, with the thousand dreams that had perished before it! When the deed was done, mankind seemed suddenly to have grown my foes. I looked upon them with other eyes*»² [Bulwer-Lytton, 1832, p. 464].

В финале романа сам герой признает ошибочность своих идей, однако не чувствует при этом никаких угрызений совести, а продолжает подводить теоретическую базу под свое мировоззрение. Свою жизнь ученый четко делит на «до» и «после» преступления, теперь он жаждет знаний ради самих знаний, а к человечеству проникается еще большим презрением.

Аналогичные трансформации в своем сознании претерпевает и Раскольников. Каждая незначительная деталь повествования начинает играть существенную

¹ «Разве это был не негодяй? Состарившийся от злодеяний – опережающий время – ковыляющий к своей бесславной могиле – порочащий все, до чего он касается на своем пути – седовласый и похотливый, с гнилью в сердце, разве он не бедствие, помеха и проклятье для мира? Будет ли это проступком, если я избавлю мир от существа низкого и злого? Будет ли это преступлением? Или справедливостью? Внутри себя я чувствовал желание – идею, которая может осчастливить человечество».

² Дословно: «Я занимал свои мысли, я закладывал новые знания себе в голову. – Я огляделся и увидел, что мало кто вокруг меня обладает знаниями, как мои, – но где, вместе со страстью к знаниям, все еще живущей во мне – где было еще одно горячее желание, которое обмануло меня такой темной пропастью между молодостью и зрелостью – между прошлой и нынешней жизнью – желание применить эту мудрость на службе человечеству? Ушло – умерло – похоронено навсегда в моей груди, с тысячей других мечтаний, которые погибли до этого! Когда поступок был совершен, человечество вдруг оказалось моим врагом. Я глядел на людей другими глазами».

символическую роль, показывая, что герой смотрит на мир уже другими глазами. Здесь показательными являются эпизоды, ставшие уже хрестоматийными: Раскольников становится равнодушным свидетелем попытки самоубийства женщины на мосту, встреча героя с матерью и сестрой, его болезнь.

Однако очевидны и значимые различия анализируемых произведений как в плане сюжетостроения, так и в обрисовке характеров. Развитие сюжета английского романа обнаруживает достаточную одномерность поступков и мотивов поведения Юджина Эрама. Р. Мессак довольно точно подметил основную черту, отличающую английского героя от Раскольникова: «Гениальный Эрам не теряет надежду, которую он мог обрести, если бы его не разоблачили, нечто вроде счастья рядом с Мадлен; далек он и от того, чтобы отказаться от исследования, он продолжает окружать себя книгами: очевидно, получает некое утешение от практики милосердия, и единственное, непредвиденное обстоятельство мешает ему извлечь выгоду из своего преступления» [Messac, 1926, с. 644]. Юджина Эрама не терзают муки совести, он продолжает жить в ладу с самим собой и окружающей его природой.

Достоевский же своим романом пытается доказать, что с одной логикой и теорией (тем более с теорией насилия) мир к лучшему не изменить, что есть законы человеческой совести, которые никто не может переступить без последствий для себя и о которых Раскольников надеялся легко забыть. В отличие от Юджина Эрама герой Достоевского после своего поступка мучается и нравственно, и физически, не находя себе ни места среди семьи и близких, ни утешения от благодетельных поступков. Вся суть романа сводилась к показу внутренних страданий преступника, заставивших его не только самовольно признаться в содеянном, но и признать себя грешником, а свою теорию страшной ошибкой. Идея бунта против Божьего мира сменяется у Раскольникова любовью и верой в Бога, и в эпилоге он воскресает из мертвых, разбив своего идола и уверовав в Христа.

Булвер-Литтон изначально рисует своего героя фаталистом. Эрам не раз подчеркивает предопределенность человеческой судьбы, в том числе и преступления в ней: «The colours of our existence were doomed before our birth – our sorrows and our crimes; <...> the Eternal and all-seeing Ruler of the universe, Destiny, or God, had here fixed the moment of our birth and the limits of our career. What then is crime? – Fate! What life? – Submission!»¹ [Bulwer-Lytton, 1832, p. 38]. Таким образом, английский герой не ищет оправдания своему поступку, зная, что от него самого ничего не зависит и ничего нельзя изменить.

Иначе объясняет свой поступок Раскольников. По его теории, описанной им в статье «О преступлении», люди делятся на сильных и ординарных личностей, себя герой причисляет к первой категории. Именно принадлежность к «необыкновенным людям» дает право, по мнению Раскольникова, пойти на преступление, доказать самому себе эту принадлежность: «...все ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что давая новый закон, тем самым нарушали древний» [Достоевский, 1982, с. 252].

Такие несовпадения в идеологии героев Булвера и Достоевского, несомненно, ведут к более принципиальному различию их образов: «Не останавливаясь на полпути, как Бульвер, Достоевский и его герой доводят свои идеи до крайности. Приняв ультраиндивидуалистичную теорию гениальности, Раскольников с безжалостной логикой делает из нее последние умозаключения и не колеблясь приме-

¹ Дословно: «Детали нашего существования были предопределены до нашего рождения... Вечный регулятор Вселенной, который все видит, Судьба или Бог, обозначил время нашего рождения и вехи нашей жизни. Что же есть преступление? – Неизбежность! – Что есть существование? – Смирение!»

няет свои выводы на практике: так как гениальный человек имеет право убивать, он убьет. И убив, он пытается уйти от угрызений совести и от наказания, как настоящий великий человек. Только Достоевский является христианином, а не притворным христианином, как Булвер. Его вера имеет всю силу первобытных лет. Нужно чтобы преступник раскаялся и искупил вину» [Messac, 1926, p. 649].

Другими словами, исследователь разводит по разные стороны авторские позиции в романах «Юджин Эрам» и «Преступление и наказание», подчеркивая значимость в романе Достоевского не только социально-исторического и нравственно-психологического уровня проблематики, но и универсального смысла повествования, связанного с ориентацией автора на вечные христианские истины, который отсутствует у Булвера. И с этим трудно не согласиться. Само повествование – система двойников Раскольникова, евангельский подтекст, хронотоп романа – выстраивает важнейшую для автора сюжетную линию о том, как его герой, возвысивший себя, но при этом не являющийся абсолютным безбожником, движется (через смирение своей гордыни и соединение со всеми людьми) от разрушения в себе фарисейства к рождению в себе нового человека. Именно этот аспект можно считать коренным различием английского и русского героев.

Таким образом, представленный анализ позволяет сделать вывод о несомненной интертекстуальной связи двух, таких разных, разделенных во времени и пространстве, романов Булвера-Литтона и Достоевского. Эти связи очевидны как на уровне формы, так и на уровне содержания, как в плане повествования, так и в отношении построения образов главных героев. Несмотря на тот факт, что нами не найдено документального подтверждения интереса Ф.М. Достоевского к творчеству Булвера-Литтона, в частности, к его ньюгейтскому роману, в данном случае это не столь важно, поскольку типологические схождения романов очевидны, подтверждая типологию жанровых моделей ньюгейтского романа и романа Достоевского. На фоне проведенного сравнения еще четче проявляются художественные особенности каждого из писателей, появляется возможность рассмотреть их произведения с новой точки зрения. В целом, можно утверждать, что ньюгейтский роман, не будучи до конца принятым, адаптированным русской литературой второй половины XIX в., был воспринят опосредованно, через свою проблематику и сюжетостроение.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. М., 1984.
- Белоусов Р.С. Тайны великих литературных преступлений: Самые знаменитые похищения и убийства в мировой классике. М., 2004.
- Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 6.
- Захаров В.Н. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К.А. Степанян. М., 1996. С. 137–146.
- Кагарлицкий Ю.И. Булвер-Литтон – романист: Послесловие к роману Булвера-Литтона «Кенелм Чиллингви» // Булвер-Литтон Э. Кенелм Чиллингви. М., 1985. С. 537–552.
- Реизов Б.Г. «Преступление и наказание» и проблемы европейской действительности // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXX. Вып. 5. М., 1971. С. 388–399.
- Фридлиндер Г.М. Романы Достоевского. «Преступление и наказание» // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 193–221.
- Bulwer-Lytton E. Eugene Aram. Paris, 1832.

Hollingsworth K. *Newgate novel, 1830–1847. Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray.* Detroit, 1963.

Messac R. *Bulwer-Lytton et Dostoievski: de Paul Clifford a Raskolnikof // Revue de literature comparee.* Paris, 1926. A.6. P. 638–653.